

Принц волков

Дэйв Гросс

Глава девятнадцатая: Последние крестоносцы

Туман накрыл траурным плащом наше возвращение на запад. Азра поставила две пары фонарей по углам своей повозки, хотя проезжающий мимо путник мог услышать шипение их фитилей, прежде чем заметить их свет. Даже скзарни несли факелы, чтобы направлять свои шаги, или, возможно, они несли их, чтобы почтить память своих ушедших.

Перед тем как мы разбили лагерь в то утро, Скзарни похоронили Драгоса без всякой церемонии, если не считать причитаний их женщин. Даже Азра, от которой я ожидал какой-то церемонии, стояла в стороне, когда его опускали в могилу. Радован же взял на себя обязанность бросить последнюю горсть земли на могилу своего соперника. Насколько я знал, это не было обычаем варисийцев или скзарни, но это не вызвало возражений со стороны скорбящих. Радован приказал продолжить путь, даже не взглянув на меня в знак одобрения. Вызвав для него призрачного коня, я вместе с Азрой взобрался на водительское сиденье, поскольку больше не был настроен ехать в повозке, даже с лежащим у моих ног Арнисантом. Это был не тот день, чтобы проводить его вдали от человеческого общества.

Несмотря на приглушенный стук копыт Луминиты и грохот повозки, богатые акценты скзарнийских голосов достигли моих ушей каким-то странным путем, проложенным сквозь окружающие туманы. Я не мог разобрать их смысл, но их тона не были ни гневными, ни скорбными, как я ожидал. Скорее, казалось, что они обсуждаются членами их уменьшающейся семьи. Я узнал темный бас Сезара и более сладкие тона голосов Малены и Татьяны, но даже молодой Милош говорил свое мнение, хотя его голос только начал спускаться с изломанного холма от резкого подросткового возраста к богатой мужской жизни. Периодически их дискуссия затихала, пока Баба, бабушка и признанный матриарх, не произносила утвердительный слог, и разговор не переходил в новое русло.

Я не мог подслушать содержание их беседы, как ни напрягался, чтобы прислушаться. Вскоре после этого я оставил все попытки читать при тусклом свете вагонных фонарей и сел на магическую копию дневника моего покойного коллеги, чтобы защитить его от холодного морозящего дождя. С его страниц больше нечего было почерпнуть, и я уже исчерпал возможности сравнения с местными картами, которые сохранил после того, как оставил в могиле остатки собственного дневника. Я не жалел об этом жесте, несмотря на его очевидную непрактичность. Если бы я больше думал и меньше чувствовал, возможно, мне следовало бы запечатать его содержимое с помощью рифленого свитка. Оглядываясь назад, я почти наверняка уже извлек бы его оттуда в минуту разочарования и, подозреваю, пожалел бы только о том, что удешевил свой шаг. В этой жизни, даже такой долгой, как моя, у нас так мало шансов принести искреннюю жертву тем, кто заслуживает нашей благодарности, и за последние десятилетия я упустил множество таких возможностей, что те шансы, которые мне остались, стали еще более ценными.

Именно в этом духе упущенных возможностей я наконец заговорил с Азрой.

"Где вы проводите зиму?" спросил я. Не пройдет и нескольких недель, как дороги Амаанса станут непроходимыми для одноконной повозки.

То тут, то там она размашисто расписалась.

"Вы не возвращаетесь в родную деревню?"

Она бросила на меня взгляд, призванный выразить досаду, но я уловил под ним тень печали. Она наклонила голову назад, указывая на повозку. Это мой дом.

"Для целителя открыта любая дверь", - сказал я. "Я еще не поблагодарил тебя за исцеление Радована. Сейчас я лишен своих обычных средств, но по возвращении в Калифас я распоряжусь о подходящей награде..."

Она отмахнулась от моего обещания и покачала головой.

"Ты можешь использовать ее, чтобы помочь своему народу".

Она решительно покачала головой, напомнив мне одну старую шутку об Усталаве. Когда челишский крестьянин находит свою корову мертвой, он молится, чтобы Ароден дал ему другую корову. Когда усталавский крестьянин находит свою корову мертвой, он молится, чтобы Фаразма убила корову его соседа. Национальная тенденция к ворчливой самодостаточности может показаться постороннему человеку подлой, но я нахожу в ней нечто восхитительное.

"Почему же ты нам помогаешь?" спросил я. "Может быть, потому, что ты когда-то знала Следопыта?"

Она ответила отрицательно и продолжала смотреть на дорогу впереди, хотя мы почти ничего не видели в тумане.

"Это ради Радована?" спросил я.

Она ничего не ответила, но я заметил, как сжалась ее челюсть.

"Конечно, ты должна понимать, что, бросив вызов Малене, ты создала отчетливое впечатление..."

Она ударила меня по руке, удар был неожиданным не только по внезапности, но и по силе. Мне пришлось схватиться за стойку фонаря, чтобы не упасть на дорогу и не попасть под колеса. Первой моей мыслью было, что она сошла с ума. В Челиаксе или даже в Кавапеште или Калифасе женщину ее положения выпороли бы за нападение на человека моего положения. Второй моей мыслью было осознание того, что она, вероятно, никогда не ступала ногой в город или на территорию поместья. Несомненно, у нее были свои представления о том, кого можно безнаказанно бить.

Но даже если так, граф Челиакса не будет сломлен одним ударом ведьмы из сельской местности. Я переместился в более удобное положение на сиденье и спросил: "Что ты будешь делать, если он вернет тебе нож?".

Должен признаться, что я слегка вздрогнул, когда она пожала плечами, но она не возобновила свое нападение на мою персону. Призрак улыбки играл на ее губах, и я понял ее тайну. Я видел, как Радован взял нож и сложил его в рогожный мешок в повозке.

"Ножа у него нет, да?"

Она попыталась изобразить загадочную улыбку, но тут я заметил татуировку на внутренней стороне ее правого запястья. Я повернул голову, чтобы посмотреть на ее левое запястье. Как я и предполагал, там была идентичная татуировка.

"Покажи мне", - попросил я.

Она оглянулась вокруг, чтобы посмотреть, не смотрит ли кто-нибудь еще. Никого не было видно. Она щелкнула запястьем, как заправский фокусник, но вместо шарфа или игральной карты в ее руке появился звездный нож. Я следил за ее запястьем, поэтому уловил мерцание звездной пыли, когда появилось оружие. Еще один щелчок - и звездный нож исчез.

"Умно", - сказал я. "Радован не может отдать нож ни тебе, ни Малене, поэтому она может не навязывать ему свое внимание до следующей луны, и все же не стоит бояться, что он примет твоё предложение".

Азра улыбнулась, как опытный преступник, чей замысел невозможно доказать, даже если ее противник догадался о нем.

"Интересно, - размышлял я, - в тот момент, когда ты бросила нож, какое из этих условий было главным в твоём сознании?"

Она повернула ко мне гневное лицо, и я прижался к фонарной стойке.

Наше продвижение через Амаанс продолжалось еще три дня, большую часть этого времени сквозь непроглядный туман и мелкий дождь. Когда мы остановились отдохнуть, скзарни приблизились, но не присоединились к нам, а образовали круг вокруг своей волшебной сумки, чтобы поделиться едой, которую они украли или добыли на охоте. Уже не в первый раз я молился о том, чтобы Радован смог сохранить над ними контроль. В лучшем случае они были головорезами, в худшем - чудовищами, и невозможно было предугадать их поведение, не понимая более четко, почему они следуют за ним. Мне хотелось узнать гораздо больше об их легенде о князе волков, но я почувствовал, что после смерти Драгоса прошло слишком мало времени, чтобы вторгаться в их личную жизнь.

Радован использовал призрачного коня, чтобы произвести впечатление на скзарни, хотя они должны были видеть, как я каждый день колдую для него. Я подавил желание наколдовать его для себя, чтобы восстановить свое место в иерархии. Если на какое-то время Радован станет тем, кому поклонятся слуги, кто первым получит угощение, кто будет освобожден от деревенских обязанностей, что же, я смогу это вынести. Какое-то время.

Мне потребовалось больше терпения, чтобы попрактиковаться в дипломатии с Азрой, но постепенно она стала более отзывчивой на мои расспросы о графстве, а я, в свою очередь, ограничил свои наблюдения о ее личных мотивах. Когда я поделился с ней своим юношеским поклонением Десне, она одобрительно кивнула, и со временем я узнал больше о ее двойной преданности Госпоже Удаче и Госпоже Могил. Она считала себя клириком обеих богинь, но использование ею звездных ножей указывало на особую привязанность к Десне. Сферы влияния Фаразмы были универсальными: судьба, пророчество, рождение и смерть. С другой стороны, Десна была богиней, которой чаще всего поклонялись индивидуалисты всех мастей, включая, что не так уж редко случается, Следопытов. Учитывая то, что Радован рассказал мне о ней, я наконец-то понял, почему Скзарни так почитают Азру.

"Твой отец или мать были родом из Скзарни?"

Она широко раскрыла глаза, удивленная моим элементарным умозаключением. Я поднял ладонь для перемирия, но она не ударила меня. Вместо этого она глубоко вздохнула и написала: Отец.

Постепенно я добился того, что пока мы путешествовали, она понемногу делилась со мной своей историей. Через череду знаков и поправок к моим вопросам она ответила, что ее отец был скзарнийским лудильщиком, что, как я понял, означало, что он был разбойником на

дороге и доверенным лицом в деревне. Ее мать была одной из, несомненно, многих деревенских девушек, поддавшихся его чарам, но по какой-то причине он вернулся, узнав, что она от него родила ребенка. Однако сердце скитальца не позволило ему задержаться надолго, и он оставил повозку в наследство Азре, когда бросил ее мать, - инцидент, напоминающий мое наследие о красной повозке, не прошел незамеченным.

Больше она почти ничего не рассказала мне о своей жизни, а когда мои вопросы коснулись причины, по которой она покинула свой дом, чтобы путешествовать по деревням Амаана, исцеляя больных и раненых, которые взамен давали ей пропитание, на нее снизошло холодное спокойствие, и она больше ничего не ответила. Что бы ни побудило ее к такой жизни, я понял, что это была не только преданность благотворительности.

Она написала: Почему ты возвращаешься?

Она видела, что я не понял ее вопроса.

Вы нашли Следопыта - ответила она. Зачем возвращаться?

Это был справедливый вопрос, и я сам удивился, что не решаюсь ответить. Возможно, я не знал ответа. Да, поиск утраченных знаний - главное дело нашего Общества, и я чувствовал себя обязанным завершить начатый моим коллегой поиск. Но это стало более личным вопросом после того, как кто-то стал причиной смерти моих слуг на мосту Сенир. Чем больше я размышлял над этим вопросом, тем больше убеждался, что в ту ночь против нас действовали две силы, и оборотни Скзарни были лишь одной из них. Еще более неприятной была попытка Казомира манипулировать мной, особенно его кража моей памяти. То, чего я хотел - "мечь" - это такой пошлый термин, но только глупцы верят, что могут добиться справедливости. Даже признавая собственную обиду, я знал, что это не то, чего я больше всего хочу.

"Я хочу знать, что было сокрыто", - сказал я Азре. "И я хочу знать, почему".

Она нахмурилась и покачала головой, но не так, как будто не понимала. Ее глаза были полны жалости.

Деревня уродов выглядела еще более жалкой, чем во время нашего краткого предыдущего визита. Помимо страха перед проклятием этого места, Скзарни казались совершенно разумными, отказываясь войти, и даже храбрый Арнисант чихал при первом же запахе этого места. Наше прибытие не встретило того радостного приема, о котором ранее рассказывал Радован, хотя жалкие существа, вылезшие из своих лачуг, чтобы поприветствовать нас, улыбались и покачивали своими деформированными головами каждому из нас по очереди. Их одежда была того же цвета, что и грязь, на которой стояли их лачуги, и я бы поставил одну из своих лучших ферм на то, что в странной ограде, опоясывающей деревню, нельзя найти ни куска мыла.

Я был рад, что Азра и Радован договорились, чтобы этот визит был кратким. Они хотели нанять Тюдора в качестве проводника по горам Вирлича. Зная, что парень легко пугается и, по правде говоря, обладает ограниченным интеллектом, я с сомнением отнесся к их плану. Узнав, что никто из скзарни никогда не отваживался идти в горы, а Азра не путешествовала дальше на запад, кроме этой жалкой деревушки, я не видел иного выхода, кроме как воспользоваться любым знакомством с регионом, с которым Тюдор мог бы поделиться с нами. Арнисант одобрил наш выбор, потрепав руки большого парня, хотя я подозреваю, что причина этого была связана скорее с тем, что Тюдор не мыл их регулярно.

Мы оставили повозку Азры и снарядили Луминиту инструментами и провизией на неделю для

четверых, рассчитывая, что Скзарни смогут пополнить наши запасы за счет охоты. Этот план казался вполне жизнеспособным, пока мы не вернулись в их лагерь за пределами проклятой деревни и не обнаружили, что их численность сократилась вдвое. Сезар, Малена, Санду и Татьяна остались, а Фане, Милош, Космина и Баба приняли свои звериные обличья и ушли. Один из них все еще виднелся вдалеке - темно-серый волк, легким шагом идущий на север.

"Что это?" сказал я. "Узнай, Радован".

Он присоединился к остальным Скзарни для тихого совещания. Рядом со мной Азра потянула меня за рукав.

Не командуй им при волках, - написала она.

Я открыл рот, чтобы возразить, но она была права. Как бы мне ни было неприятно притворяться подчиненным по отношению к собственному сотруднику, демонстрация нашей истинной иерархии привела бы лишь к новым проблемам.

Вернулся Радован. Он послал Тюдора проверить вьюки Луминиты и говорил достаточно тихо, чтобы его слышали только мы с Азрой.

"Очевидно, - сказал он, - они ушли, пока я был в деревне, потому что не хотят идти в Вирлич".

"Это хороший знак", - сказал я.

"Ты так думаешь?" - сказал Радован. "Мы собираемся в поход в место, которое отпугивает оборотней".

"Я имел в виду, что это хороший знак, что Скзарни не хотят выбирать между нарушением своих табу и неподчинением твоим приказам", - объяснил я. "Это значит, что они уважают тебя".

"Или боятся меня".

"Для такого жестокого народа, как Скзарни, разница невелика", - сказал я. Взглянув на Азру, я добавил: "Без обид".

Азра проигнорировала мою поправку и сделала вид, что не заметила поднятую бровь Радована. Я мысленно отметил, что эти двое не так хорошо знакомы, как я предполагал. В будущем я буду более осмотрительна в упоминаниях о прошлом Азры.

"Значит, мы идем с теми, кто остался?" - спросил Радован.

Я был удивлен, что он спросил. "Конечно", - сказал я. "Я проделал этот путь не для того, чтобы сдать у подножия гор".

Он кивнул, но я видел, что он сомневается.

"И еще кое-что", - сказал я. Когда мы окажемся в компании Скзарни, я сделаю вид, что подчиняюсь тебе, а не рискую еще больше запутаться среди - ну, давай назовем их "твоими людьми".

"Да?" - сказал он знакомым скептическим тоном. Он знал, что там был второй пункт.

"И все же я верю, что ты не забудешь истинную природу наших отношений".

"Конечно", - сказал он. "Я понял, босс".

"Превосходно", - сказал я. "А теперь, в таком случае, пора приказать нам следовать по пути с запада на северо-запад, насколько позволяет знакомство Тюдора с местностью".

Тюдор оказался таким искусным проводником и разведчиком, что я начал подозревать в нем идиота. Когда Радован впервые послал огромного мальчика взобраться на хребет и сообщить, что он видит на другой стороне, я опасался, что парень потребует спасения и таким образом потратит остаток нашего дня впустую. Но он не только вернулся в два раза быстрее, чем я рассчитывал, но и описал увиденное с такой точностью, что, осмотрев местность самостоятельно, я не смог вспомнить ни одного картографа с двадцатилетним стажем, который мог бы повторить его подвиг. Даже не считая его сверхъестественной способности к счислению места, Тюдор обладал исключительным достоинством: он неустанно нес выюк, по весу не уступающий тем, что несла Луминита. Если бы не его плачевная личная гигиена, я мог бы подумать о том, чтобы обучить Тюдора основным принципам Общества Следопытов и нанимать его на службу на регулярной основе.

Приняв невысказанный вызов Тюдора, Скарни приняли свой люпиновый облик и двумя парами отправились на разведку. Вскоре после этого двое из них внезапно вернулись, подняв голову при виде одной из молний-фантомов. До этого я наблюдал эти явления лишь с большого расстояния и хотел понаблюдать за ними поближе, но никакие уговоры не могли убедить оборотней вернуть нас на место. Несколько изумленных взглядов Радована и Азры напомнили мне, что любопытство лучше всего сочетается с благоразумием, и я сдался.

Здесь были и другие чудеса. Мы прошли мимо остатков лица, вырезанного в склоне горы много лет назад. Остался только один глаз, обрамленный разбитой щекой и бровью, но в углублении зрачка двигались темные фигуры. Сверяясь со своей картой, я увидел, что глаз был прикован к точке на юго-востоке, в сторону Свинцовых садов. За ним, на северо-западе, лежал потерянный город Каснорива, а еще дальше в том же направлении возвышался страшный Шпиль Гэллоу, бастион и тюрьма Шепчущего Тирана.

Вопреки слухам о том, что в границах Вирлича не обитает ни одно живое существо, мы обнаружили тропы дичи. Однако Сезар отметил, что мы не нашли свежих останков, лишь изредка попадались кости и кожа. Мы больше не видели признаков перелетных гусей, но я заметил одинокого падальщика, который перебирал что-то мертвое или умирающее на юго-западе. Скарни с каждым разом уходили все дальше, а Арнисант оставался рядом со мной.

С наступлением ночи туман поднялся от подножия гор, а тяжелое брюхо неба нависло над нашими головами. Свет нашего костра отбрасывал желтушное кольцо в узкий промежуток между огромными туманами. То небольшое, что мы говорили перед сном, мы произносили шепотом, а часы коротали в молчании.

На вторую ночь, после того как я отошел от беспокойного дежурства с Сезаром, Санду тряс меня за ногу, пока я не зашевелился. Он приложил палец к губам в знак молчания и пошел будить Азру. В десяти шагах от костра Радован и Малена опустились на колени и указали на тусклый огонек на расстоянии менее мили. Взяв в руки клинок Галдана, я присоединился к ним. Мы смотрели, не мерцает ли назойливый огонек, указывая на то, что перед ним кто-то прошел.

"Там", - сказала Малена. Я проследила за направлением ее пальца и увидела частичные очертания пары лошадей, привязанных недалеко от костра. Рядом с ними крошечный силуэт человека шлепал руками по прохладному ночному воздуху и шагал, чтобы не заснуть во время

своего дежурства.

"Кто еще настолько безумен, чтобы путешествовать здесь?" - спросил Радован.

"Кроме оживших мертвецов?" спросил я.

"Ты пугаешь женщин, босс", - сказал он. Азра ударила его в плечо, но это был легкий, беззвучный удар, который вызвал слабую улыбку на его губах.

"Грабители могил", - сказал я. "Культисты, некроманты, искатели сокровищ, истинные безумцы, если Десна улыбнется".

"Ты пугаешь людей", - сказал он. "А что, если Десна посмеется над нами?"

"Тогда это паладины из Ластволла, и они видели наш огонь так же, как мы видели их".

Семьсот лет назад оставшиеся в живых участники Сияющего Крестового Похода основали государство Ластволл, чтобы бдительно охранять руины Шпиля Гэллоу, где пал Шепчущий Тиран, и боевые поля Белкзена, куда бежали его разбитые легионы орков. Несмотря на последнюю жертву своего великого полководца, крестоносцы были достаточно мудры, чтобы понять, что лича удалось лишь сдержать, но не уничтожить, а его легионы были рассеяны, но не уничтожены. С тех пор несравненная кавалерия Ластволла патрулировала границы Белкзена и пустоши Вирлича. У них была репутация нетерпеливых к тем, кто нарушал границы этих земель.

Радован спросил: "Нам бежать?"

"Это было бы бессмысленно", - сказал я. "Даже если мы повернем, чтобы бежать прямо в Амаанс, они догонят..."

Не успел я закончить мысль, как раздался хор выхваченных мечей, и вокруг нашего лагеря вспыхнула дюжина ярких огней. На мгновение ослепнув, я увидел, что каждый член нашего отряда вырисовывается в резких линиях дрожащего черного и раскаленного белого. Вокруг нас, прямо внутри кольца света, стояли восемь вооруженных солдат.

Арнисант запоздало забил тревогу, но его удивление говорило о скрытности нарушителей. Знака руки оказалось недостаточно, чтобы успокоить гончую, и мне пришлось повторять, чтобы заставить его сесть и оставаться рядом со мной.

"Бросьте оружие", - потребовал один из солдат. Он говорил на талданском языке с легким варисийским акцентом.

"Хитрые сукины дети", - проворчал Радован. Мы оба были одурачены приманкой у костра, но Радован принимал такие вещи близко к сердцу. Несколько лет, проведенных в благородном обществе, где каждый комплимент - это обман, а каждая любезность - ложь, и он научится принимать это близко к сердцу.

Скзарни посмотрел на Радована в поисках подсказки. Тот благоразумно не повернулся ко мне, но все видели, как я осторожно положил меч графа Галдана к моим ногам. Радован кивнул, и скзарни бросили свои ножи на землю.

"Я знаю, о чем мы договорились", - прошептал Радован. "Но я думаю, тебе лучше взять вот это, босс".

Через кольцо воинов проскакал бронированный человек на огромном жеребце оловянного цвета. Как и его солдаты, он носил на своем табарде щит Ластволла, но на его плече я узнал знак его ранга. За ним скакали еще два конных солдата.

Слева от капитана стоял волшебник, носивший одну из этих нелепых бород с подбородочным ремешком и такими усами, что казалось, его поразила молния. Он носил по кольцу на каждом пальце и сжимал в руках фолиант из кожи василиска, украшенный дюжиной маленьких кармашков на обложке, каждый из которых был помечен руной, указывающей на материальный компонент заклинания, большинство из которых я узнал.

Справа от капитана стояла закованная в броню женщина с золотым мечом Иомедаэ на стальном нагруднике. Она выглядела миниатюрной на фоне мужчин, но ее глаза излучали спокойную уверенность искусного паладина или клирика своей богини.

"Капитан, - сказал я, отвесив воинский поклон. "Я граф Вариан Джеггар".

"Проклятый Чел", - пробормотал один из его солдат, женщина, которая могла бы быть красивой, если бы не сломанный нос и выдающаяся челюсть. Сокращенное название гражданина моей страны было уничижительным выражением, которое становилось все более распространенным среди челишских владений на западе. Услышав его от защитника Ластволла, я опечалился, ведь их кредо всегда казалось чистым в своей простоте и направленности: защищать весь Авистан, независимо от политических разногласий, от возвращения Шепчущего Тирана. Даже когда Челиакс отделился от Империи Талдор, они сохраняли нейтралитет. Однако время меняет все вещи, особенно те, которые когда-то были хорошими.

"Капитан Менас Неверион", - сказал капитан, не обращая внимания на неучтивость своего подчиненного. Его лицо было испещрено бороздами по меньшей мере пятидесяти лет, а мудрый взгляд заставлял его казаться еще старше. Его талданское имя и грубоватая манера поведения ослабили мою надежду на то, что он будет снисходителен. "Что ты делаешь в этих землях с привидениями?"

Было мало надежды ввести в заблуждение человека в компании паладина или жреца Иомедаэ, который служил вестником Ародена до катаклизмической смерти этого бога. Если бы не абсолютная власть Трижды Проклятого Дома Трун, храмы Иомедаэ, скорее всего, заменили бы храмы Ародена. Вместо этого темные храмы Асмодеуса теперь стоят на земле, некогда освященной Ароденом. Передо мной стояла задача рассказать как можно меньше правды, которую капитан, скорее всего, примет.

"Я прибыл в Усталав, чтобы найти пропавшего коллегу", - сказал я. Просчитав как его следующий вероятный вопрос, так и его реакцию на мою очевидную сдержанность, я добавил: "К сожалению, я нашел только ее труп. Поэтому я хочу проследить ее путь в надежде вернуться с полным отчетом о ее последних днях".

Капитан не смотрел на своего лейтенанта, но я заметил, как поклоняющаяся Иомедаэ кивнула сама себе. Она действительно обладала способностью распознавать ложь.

"А эти туземцы?" - спросил он, указав на варисийцев малейшим движением пальца.

"Гиды и опекуны", - сказал я.

Он с сомнением нахмурился на мою краткость, но, не дождавшись знака от своего лейтенанта, пропустил это мимо ушей. Когда его взгляд упал на Радована, выражение его лица потемнело.

"А это... хеллспаун?"

"Мой помощник", - сказал я, надеясь не умалить авторитет Радована в глазах скзарни. Но я знал, что одного ответа будет недостаточно, поэтому добавил: "Мой телохранитель, Радован".

Капитан покачал головой. "Так не пойдет, граф", - сказал он. "Мы не приветствуем вторжение в эти земли".

"Я понимаю ваше беспокойство, капитан", - сказал я ему. "Но вы, конечно, понимаете, что это не ваши земли. Они остаются частью княжества Усталав, и сам князь Адуард принял меня в своем дворце после моего прибытия".

С его губ сорвался недоверчивый смешок, после чего капитан повернулся к своему лейтенанту, который кивнул в знак подтверждения истинности моего утверждения и наклонился к нему, чтобы прошептать. Он снова нахмурился и потребовал: "И вы, конечно, допускаете, что эти люди - не простые варисийцы, которых вы наняли, чтобы направлять вас".

Я уступил ему кивком. "Молодой Тюдор родом из деревни у гор. Он наш проводник. Азра - клирик Десны, целительница, чья ценность для любого предприятия в этих краях высока, как я знаю". Я положил руку на сердце и склонился перед лейтенантом.

Женщина рядом с капитаном кивнула в сторону Десны - жест уважения между поклонниками разных, но симпатизирующих друг другу божеств. Поклонники Десны, хотя их было гораздо меньше и они были менее обременительны; были не менее добродетельны, чем последователи Иомедаэ.

"А эти разбойники?" Капитан бросил взгляд на Сезара, тот ответил взглядом. Я почти видел, как зашевелились волосы на его руках, и тихо молился Десне, чтобы оборотень не вышел из себя.

"Семья Скзарни", - сказал я. Капитан отреагировал с явным удивлением, что я не схитрил, но если чужеземец за тысячу миль смог распознать разницу между честным варисийцем и одним из их бродячих воров, глупо полагать, что он не сможет.

"Такая компания плохо характеризует твой характер", - сказал капитан.

Едва сдерживаясь, чтобы не вздрогнуть от провокации, я сказал: "На самом деле, они служат у моего телохранителя".

Он скривил губы. "Хеллспаун".

"Послушай", - сказал Радован, шагнув вперед. "Возможно, я вырос на улицах..."

"Молчи", - сказала женщина рядом с капитаном. "Если ты хочешь сохранить этот адский язык в своей голове, ты отойдешь в сторону и будешь ждать приговора своих старших".

Радован остановился, едва не показав свою полную улыбку, выражение которой могло привести только к открытому конфликту, который, как я не ожидал, мы сможем пережить, а тем более выиграть. Позади него зароптали скзарни, но он махнул им в ответ.

Прежде чем я успел сделать еще одну попытку, Азра протиснулась мимо нас обоих и сердито махнула рукой. Лошадь капитана отступила на шаг, а сам он вздрогнул от свирепости ее приближения. Он вернул себе самообладание и потребовал: "Что она сказала?".

Я не смог подавить улыбку по поводу буквального значения ее жестов, но сказал: "Она просит не соглашаться с твоей характеристикой Радована".

"Почему она молчит?" - спросил он.

Азра открыла рот и показала пальцем в той же вульгарной манере, которую она продемонстрировала мне ранее. Я вздохнул из-за упущенной возможности более изящного общения.

"Я могу перевести", - сказал я, но капитан покачал головой и подал знак своему волшебнику, который достал из кармашка на книге щепотку черно-белого порошка и начал произносить слова заклинания. Я напрягся, и почувствовал, что остальные со мной приготовились к атаке, но я узнал знаки, которые он начертал в воздухе. Я подал знак Радовану, что на нас не нападают.

Все в порядке, - передал он скзарни. Впервые я заметил, что его варисийский звучит идеально.

Волшебник и его капитан обменялись кивками, и капитан снова посмотрел на Азру. "При всем уважении к Песне Сфер, - сказал он, ссылаясь на формальный титул Десны, - какова природа вашей связи с этим исчадием ада?"

Не исчадие ада, - ответила Азра, добавив к своему ответу грубый невербальный жест. Он ценный человек.

Волшебница прошептала перевод, но капитан насмешливо улыbnулась. "Пожалуйста, сестра, я вижу своими глазами, что он из себя представляет".

Твои глаза слепы, - сказала она. Они видят скзарни, а не детей Десны. Они видят демона, а не сына Усталава.

Волшебник вздрогнул, прежде чем передать перевод, но по блеску в глазах командира я увидел, что он доложил все точно. Радован стоял позади Азры, не видя ее жестов. Он обошел ее, чтобы рассмотреть получше, но она шагнула к нему, закрывая обзор.

Этот человек происходит из князей, - подписала она. Если ты попытаешься остановить его, Десна посмеется над тобой. Если вы причините ему вред, я прокляну вас всех.

Вирлич - третий регион современного Усталава, не входящий ни в Сойводу, ни в Палатинат. Вирлич прижимается к юго-западной окраине Усталава: это безлюдная, кишасящая нежитью пустошь, которая является частью Усталава только по названию.

Вирлич расположен в дальнем юго-западном углу Усталава и граничит с Могильными землями на большей части своей западной и южной части, разделенными рекой Путь. Только на северо-западе Вирлич граничит с кишасящими орками владениями Белкзена. К северу от него находится относительно спокойный Палатинатом Кентерской стены, а к востоку - графство Сойвода Амаанс. Географически над Вирlichem возвышаются высокие пики Голодных гор.

Земля Вирлича - это оскверненная земля, где среди пустынных земель растут только скрученные, неестественные растения, и над ней бушуют необъяснимые и крайне неестественные бури.

Усталав окончательно был повержен в 3206 AR воскрешенным Тар-Бафоном, Шепчущим Тираном. После этого землям пришлось пережить около шести веков страданий до победы

Сияющего Крестового Похода в 3827 AR, когда Шепчущий Тиран был заключен в тюрьму в Шпиле Гэллоу, где он остается и по сей день. Несмотря на освобождение, шесть веков правления Шепчущего Тирана в корне испортили народ Усталава, и нигде это не было так заметно, как в древних графствах Вирхолт и Гродлич, которые окружали Шпиль Гэллоу. Вирлич был создан из гниющих останков этих двух бывших графств, которые были эпицентром растущей империи нежити Шепчущего Тирана.

Взято с <https://pathfinderwiki.com/wiki/Virlych>

Подписывайтесь и поддержите мой небольшой проект!

Вконтакте: <https://vk.com/ttrpgs>

Бусты: <https://boosty.to/ttrpgs>

Спасибо за внимание!

Перевод: Senar

<http://tl.rulate.ru/book/61956/1612079>